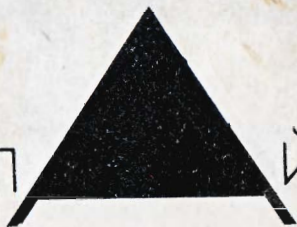

P2
A-74

НИКОЛ

Й

**шахтерская
лампочка**

НЦИФЕРОВ

Издательство
«Советская Россия»
Москва — 1971

62536

НИКОЛАЙ АНЦИФЕРОВ

шахтерская лампочка

И з б р а н н ы е с т и х и

P2
A74

Книга подготовлена комиссией по литературному
наследству Н. Анциферова

25230

Анциферов Н.

A74 Шахтерская лампочка. М., «Сов. Россия», 1971.

144с.

«Шахтерская лампочка» — книга избранных стихов безвременно ушедшего из жизни талантливого поэта Николая Анциферова.

Труд, волевые характеры, дружба — основные темы этой книги.

7—4—4

248—71

P2

СЛОВО О ДРУГЕ

О его стихах говорить не буду — они в этой книге. Спрессованные, как глыба антрацита, правдивые и требовательные, как глаза углекопа, сами о себе они расскажут лучше и полней.

Я расскажу о нем как о человеке. Право на это мне дает многолетняя личная дружба с Николаем Анциферовым.

Впервые я встретился с ним весной 1952 года в редакции газеты «Комсомолец Донбасса». Дождило, стояла по-донецки кислая погода, коридор редакции был засыпан опилками. В большую комнату, где помещались сотрудники четырех отделов, зашел невысокого роста паренек в резиновых сапогах с отвернутыми голенищами, в дешевом пиджаке и кургузой кепочке. Страхнув на пороге опилки с сапог, глухо спросил:

— По стихам кто здесь... работает?

Ему указали на меня, он шагнул к столу и протянул несколько тетрадных листков, свернутых в трубочку и изрядно поношенных в кармане. Без официально-го «вы» и «пожалуйста» сказал просто, по-свойски:

— На вот, глянь.

На приставном столе лежали горы, целые завалы стихов. Разбирать их, отвечать школьникам и пенсионерам, отправлять по пятьсот писем в день — это была адская работа. И что самое обидное — давать в газету

было нечего. И вдруг после всей этой словесной мишуры у меня в руках стихотворение «Дай, товарищ, закурить». Я тут же начинаю читать его всей комнате. Анциферов смущается, краснеет, достает папиросу и выходит в коридор. Вполне пригодными оказались и три других стихотворения. Мы читаем их в секретариате, в кабинете заместителя редактора. Мнение единодушное: печатать. Фотокорреспондент уже настраивает лампы, чтобы заснять поэта. Но Анциферов упрямо не хочет фотографироваться.

— Отвяжись, тебе без булды говорят! Завтра приду, побреюсь, костюм надену...

Так и не отсняли его в тот день. Из всей подборки я попросил переделать два слова. В нашей комнате Николай сел за свободный стол и, покуривая, уставился в серое окно. Сидел он часа два, но за ручку так и не взялся.

— Не могу! Завтра принесу.

Его состояние мы поняли гораздо позже, через много лет из двух строчек стихотворения «Хронометражист»:

Не люблю, когда работаю,
Чтоб глазели на меня.

Николай мог вынашивать стихотворение и месяц, и год, в голове оно рождалось, шлифовалось и оттачивалось полностью. Сам процесс написания занимал

несколько минут, на бумагу ложились уже готовые, выкристаллизованные строчки.

Когда стихи были напечатаны в газете, шахтерский Донбасс впервые узнал своего певца Николая Анциферова.

Он принес к нам в редакцию много грубоватых, но очень метких и точных шахтерских словечек и выражений. Впоследствии из них и возник неповторимый шахтный запах его стихов.

Вырос он на макеевской шахте «София». Как и все горняки, Николай называл ее с ударением на «о».

...в «прахаря»

Упиралась моя философия,
Засосала мои якоря
Незабвенная шахта «Сòфия».

Родился Николай Анциферов в 1930 году. Дед шахтер, отец шахтер, брат шахтер и он — шахтер. Вырос на глею (на терриконе), на улицах шахтного поселка, на загрязненной отбросами завода неглубокой речушке. Вся семья, пять человек, жила в одной комнате старого каменного барака.

Полсотни хат на курьих ножках
Стоят не в сказочной стране.
Есть в каждой хате дверь, окошко,
Есть в каждой хате свет в окне.

Едва стукнуло десять — началась война. На «Софию» пришли фашисты. Эти злые, голодные мальчишеские годы Николай описал в цикле стихов «Оккупация».

Кончилась война, и ватага ребят с «Софии» пошла в горнопромышленное училище. Вместе с ними и пятнадцатилетний Николай Анциферов. Началась учеба в «ремеслухе».

В училище были две особенно интересные для будущего поэта вещи. Первое — библиотека, которую он посещал ежедневно. Второе — игра в слова, придуманная невесть кем и когда.

Один называл какое-то слово, другой мгновенно должен был прочесть его в уме справа налево и тут же дать внятный и громкий ответ. Проверку делали мелом на доске. А слова выбирали позаковыристей и подлинней.

Позже, в редакции, мы как-то открыли это умение Анциферова и сначала долго экзаменовали его, а потом просто развлекались вместе. Любое слово Николай мгновенно называл наоборот. Даже такие, как «индустриализация» или «Донниигипрошахт».

Я уверен, что эта забава сыграла немалую роль в технике стихосложения Николая Анциферова. Любое слово стояло в его памяти зримо, он обращался с ним уверенно и свободно. Тренированная память помогала отбирать для стиха слова только самые емкие, самые нужные.

После училища Анциферов — шахтный электрослесарь на той же «Софии».

В том голодном сорок седьмом
Я, голодный семнадцатилетний,
Хлеб пошел добывать горбом.

Николай долго скрывал от врачей начавшуюся болезнь. Две поездки в санаторий спасли его, он вылечился, но следы недуга долго еще давали о себе знать. Пошли шахтерские годы. Каждый день по гудку незабвенной «Софии» — в клеть, в забой. И так до самого того дня, когда в редакции появился паренек с несмываемыми черными каемками под глазами.

Всей редакцией мы настояли на том, чтоб Николай перешел работать к нам. Вытянуть из него согласие было нелегко. Он не понимал, как это можно бросить своих ребят, свою бригаду, боялся, что шахтеры осудят его, посчитают «пижоном», который удрал на легкий хлеб. Эти переживания он позже описал в стихах.

Как ни удерживали его друзья — Николай после года работы в газете вернулся на шахту.

Я родился под шум вагонеток и клетки,
Потому-то без шахты я жить не смогу.

На шахте Николай пошел в десятый класс вечерней школы. Закончил его и навсегда распрощался с забоем: шахтерский паренек поступил в Литературный институт имени Горького.

Москва приняла Анциферова сразу. О талантливом певце рабочих окраин тепло отзывались Николай Асеев, Ярослав Смеляков, Александр Твардовский, крестным отцом поэта был Сергей Смирнов, которого связывала с Анциферовым глубокая личная дружба. Шахтерский поэт стал любимцем литературной Москвы.

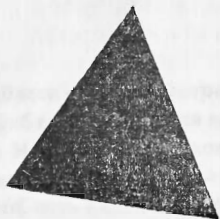
И в студенческие годы, и во время работы в журнале «Москва» Анциферов не менял своего порывистого, «заводного», отчаянного и немножко бесшабашного характера.

Часто приезжал он из Москвы в Донбасс к своим надежным и верным друзьям.

Николай Степанович Анциферов умер в самом расцвете своего таланта. Случилось это 16 декабря 1964 года на тридцать четвертом году жизни. Как терриконщик из его стихотворения «Пьедестал», он только взобрался на вершину, успел глянуть на новый горизонт, но не успел рассказать о виденном. В его последних стихах чувствуется глубокий, серьезный поэт с уже устоявшимся мировоззрением. Писать бы ему да писать... Несомненно, что Николай Анциферов стал бы крупным поэтом. Но даже то, что им сделано за недолгую жизнь, с полным правом позволяет назвать его лучшим шахтерским певцом.

Анатолий МАРТЫНОВ.

г. Донецк

ИЗ КНИГИ «ДАЙТЕ СРОК...»

Москва приняла Акимовых сразу. О талантливом плече рабочего орудия тогда отзывались Николай Асеев, Ярослав Смирнов, Александр Твердовский, Крестовик, отец товарища Сергея Смирнова, которого связывала с Акимом давняя дружба. Шестеро из них стали членами литературной Москвы.

Мне студентом-художником пришлось поработать в журнале «Искусство». Авторская работа не имела никакого торжественного, праздничного, оглашенного и неизменно блестящего характера.

THE KENNETH SPENCER CORPORATION

Августин МАРТЫНОВ

О Донбассе пишут в географии,
Что Донбасс — край угля и металла.
Верно. Но для полной биографии
Это очень сухо, очень мало.
Кажется, есть песня о Донбассе,
Терриконы и копры воспеты.
Верно, есть такие. Я согласен.
Только это — внешние приметы.
Ну, а где же люди! Их не видно...
Потому мне горько и обидно...
Я хочу сказать о земляках.
Может быть, получится коряво,
Все-таки
Горняк
О горняках,
Как могу,
Сказать.
Имею право.

Гудки охрипли, но басят, басят, —
И каждый на своей, особой ноте...
Пришел отец. (Ему за шестьдесят.)
Угрюм.

Видать, неладно на работе.

— Ну, вот и отработал. Что теперь?

Сменил

Какой-то техник желторотый...

Отца никто не выставит за дверь

И не оставят, ясно, без работы.

Пошлют — пойдет и к черту на рога.

Пошлют — и чистить грязь пойдет по штреку.

Вы знаете,

Как шахта дорога

Такому вот, как батька, человеку?!

Он проработал в шахте сорок лет.

Часы работы если подытожить —

Двенадцать лет шахтер не видел свет,

А под землею эти годы прожил.

Он тыщи верст за свой рабочий век

Пролез на четвереньках по забою...

И курит некурящий человек

И молча смотрит в небо голубое...

— Наплюй на все, махни на все рукой... —

Мать говорит. — Пора давно умыться...

Намаялся — скорей бы на покой,
Так нет, без толку злится и бранится...
Сегодня ваше дело — сторона,
Теперь дипломы есть у молодежи...
А ты свое отдал уже сполна,
Вот так и их когда-то сменят тоже...
Помылся и моложе стал отец,
Надел костюм почетного шахтера.
Медали, ордена...
— Хоть под венец, —
Мать изменяет тему разговора. —
Пойдем-ка погуляем, старина,
Давненько не бывали на народе...
— Сходи-ка лучше принеси вина,
Опять заныли ноги к непогоде...

ПОЛУЧКА

Сергею Смирнову

Хоть не устанавливал рекорда,
Но до дому возвращаюсь гордо.
Шествую, как труженик бывалый.
Шепчутся соседки:
— Симкин малый.
Без году неделя, как в забое,
А земли не видит под собою.
Ишь, какая птица! Ты подумай!
А всему, товарищи, виною
Первая полученная сумма,
В шахте заработанная мною.
Упрекают зря меня в зазнайстве.
Я не из такого вовсе рода.
Просто размечтался о хозяйстве,
На ходу планируя расходы:
Я куплю себе получше брюки,
Матери — косынку подороже...
В угле и мазуте мои руки
И на золотые не похожи.

СОСЕДИ ПРАВЫ

62536

Твердят соседка и сосед,
Твердят все жители поселка,
Что будто я за милой вслед
Хожу, как нитка за иголкой...
Тому хождению скоро год.
И, если верить этим слухам,
Она, мол, ухом не ведет,
А я упал как будто духом.
Была вначале, не таю,
Во всем — она передовая.
Теперь и я не отстаю.
И даже в праздник Первомая
Несла подруга мой портрет,
А я шагал с ее портретом.
Теперь соседка и сосед
Иного мнения об этом:
— Вот молодцы. Во всех делах
По праву лучшие в Донбассе.
Друг друга носят на руках!..
И я с соседями согласен.

МЫ ВЫПУСКАЛИ СТЕНГАЗЕТУ

Мы выпускали стенгазету
И засиделись допоздна.
Художник шепчет по секрету:
— Ну как же я пойду одна!
А вы — ответственный редактор,
Лежит ответственность на вас...
Я взвесил всю серьезность факта
И принял меры тот же час.
Такое важное задание
Я лично выполнить решил:
Еще поднимут на собрание
Вопрос о черствости души.
Я шел, покусывая губы.
Плыла луна над головой.
Мы разговор вели сугубо
Официально-деловой.
Она меня критиковала,
Что оторвался я от масс,
Что я знакомых вижу мало,
Бываю в клубе в месяц раз.
Затем добавила с улыбкой,
Что при желании моем
Могу исправить я ошибки.
Я слово взял. Но вот и дом.

Она ушла. В минутной речи
Успел я все-таки сказать,
Что не мешало б каждый вечер
Нам стенгазету выпускать.

МОИ ПРЕТЕНЗИИ

**Расстался я недавно с другом.
Все чисто, гладко шло, и вдруг
В один прекрасный день**

Стал неожиданно мой друг.
Я потужил слегка вначале,
Но вскоре к выводу пришел:
Товарищ к берегу причалил,
И это, в общем, хорошо.
На якорь стать пора и мне бы,
Создать семейный бы уют.
«Ну что, приятель,
в загсе не был?» —

Друзья проходу не дают.
На свете девушек-де много...
А я не встретил ни одной.
Они десятою дорогой
Меня обходят стороной.
Мне неизвестно, в чем причина.
Ведь знают все вокруг о том,
Что управляю врубмашиной
И числюсь знатным горняком.
Еще по ходу разговора
Скажу, не хвастая, друзья,

Что сын почетного шахтера
И что неплох на внешность я.
А вот любовь...
В часы заката
Частенько думаю о том:
Ужель, товарищи девчата,
Останусь я холостяком!..

ЗАПИСКИ

Я детство вижу как сейчас...
Переходил тогда я в пятый,
Она кончала третий класс,
Ее дразнили конопатой.
Она из школы к нам домой
Родным записки приносила.
Все узнавал родитель мой:
Что я лентяй невыносимый,
Что я тяжелый ученик
И с дисциплиною в разладе,
Пятерки ставлю сам в дневник,
На голубей порвал тетради.
За что отец и мать меня
Критиковали в резком тоне:
Частенько — с помощью ремня,
Порой — при помощи ладони.
А после критики такой
На сердце было очень грустно.
Девчонке собственной рукой
Грозил я письменно и устно.
Писать старался поглубей:
«Ну, погоди. Братвою встретим,
Докажем, рыжая, тебе!»
И не бросал слова на ветер...

С тех пор прошло немало дней,
Забыты школьные замашки.
Теперь сокурснице своей
Тайком иные шлю бумажки.
А в них пишу — да потеплей
И по возможности лиричней:
«Такой не сыщешь на земле.
Давно хочу сказать вам лично
Десяток слов наедине...»
А дальше — время, место встречи.
Но нет. Скучаю в тишине
Единолично каждый вечер.
Да-а, к ней отрезаны пути,
И не подступишь даже близко...
И нет предлога отнести
Ее родителям записку.

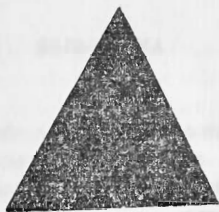
Я в институт спешил из дома —
Не опоздать бы в первый раз —
И у прохожей незнакомой
Решил спросить, который час.
Она, серьезности не веря,
Такое вдруг сказала мне,
Как будто я, по крайней мере,
Живу не здесь, а на луне...
Случайно встретились вторично.
Она с повинной подошла:
Мол, поступила нетактично...
А я спросил: — Ну как дела?
Ну как живете, как здоровье?
И почему вы без подруг!..
Не мог сказать нужнее слов я,
А так все около, вокруг...
Прошли последние трамваи,
И в окнах свет давно погас.
Лишь сторож, службу выполняя,
Спросил у нас: — Какой час?
Октябрь дышал весною, маем,
И понял дедушка без слов,
Что мы часов не наблюдаем,
...Да, было нам не до часов!

УГОЛЬ

Белый-белый снег в Москве упал.
С ребятней в снежки играет вьюга.
Подкатил к подъезду самосвал
И свалил на землю черный уголь...
Уголь! Я припомнил о былом.
Мы с тобой знакомы по забою.
Мы к тебе врывались напролом,
Мы тебя в глубинах брали с бою...
Уголь, в сентябре расстались мы,
Потянуло к знаниям и книжкам...
Я стою и прячусь от зимы
В куцое осеннее пальтишко.
А зима — необъективно зла —
К телу подбирается без спроса...
Дама с собачонкой подошла.
Крашенные ногти, папироса.
Так, не молода и не стара.
Точно королева, разодела.
Морщась, провздыхала:
— В глубь двора
Вы не переносите... вот это!
— Уголь перебросить! Отчего ж,
С давних пор знакомая работа...—
Взял лопату, и препала дрожь,
И рубаха вымокла от пота.

Дама курит, жалуется мне.
Дескать, пес-малюточка простужен,
Искупать советуют в вине.
Говорят, покой собачке нужен...
Мне какое дело до собак!
Но хозяйку чтобы не сконфузить,
Головой киваю. Дескать, так,
Мол, бедняга Бобик или Тузик.
Кончена работа.
Вытер пот.
Поясницу ломит без привычки...
Мне пятерку дама подает:
«Вот — на чай, на курево и
спички»...

Я не мог ее подачку взять.
Уголь с брюк отряхивал фуражкой.
Дама нервно: «Сколько можно ждать!..»
И под ноги брошена бумажка.
Нет, я не тянулся за рублем,
Я ушел с закушенной губою...
Уголь, я припомнил о былом,
Мы с тобой знакомы по забою...

ИЗ КНИГИ «МОЛЧАНИЕ — НЕ ЗОЛОТО»

Дама курит, жалеет меня.
 Дитнать, посиди, очка простужен.
 Искупать со мной...
 Говорит, а я...
 Мне...
 Не...
 Говорю... Дескать, так,
 Мол, боритесь...
 Кончина работа
 Знать пот.

ОТОГО... ИЗ КНИЖИ...

Мне пятачку дама подает

Я... мог...
 У...
 Да...
 Не...
 Не...
 Я...
 У...
 Мы...

ВЕЛЬМОЖА

Я работаю, как вельможа,
Я работаю только лежа.
Не найти работенки краше,
Не для каждого эта честь.
Это — только в забое нашем:
Только лежа — ни встать, ни сесть.
На спине я лежу, как барин.
Друг мой — рядом, упрямый парень
«Поднажмем!»
И в руках лопата
Все быстрее и веселей.
Только уголь совсем не вата:
Малость крепче и тяжелей.
Эх, и угольная перина!
Не расскажешь о ней в стихах.
Извиваешься, как балерина,
Но лопата играет в руках.
Отдохнуть бы минуту, две бы!..
Отдыхаешь, когда простой.
Семьянин говорит о хлебе,
О любви говорит холостой.
Но промчится пара минут —
И напарник мой тут как тут.
Шепчет: «Коля, давай, давай!
Вместе взялись, не отставай!»

На спине снова пляшет кожа.
Я дружку отвечаю: «Есть!»
Я работаю, как вельможа.
Не для каждого эта честь.

ТОРМОЗОК

Объясню, хотя бы сухо,
Что такое «тормозок»:
Хлеба черного краюха,
Сала постного кусок...
В тесном угольном забое,
В темноте, в пыли, в грязи,
Рад минутному отбою,
Вдруг услышав: «Тормози!»
Облегченья охи-ахи,
Кровь сильнее стучит в виски.
Надеваются рубахи,
Достаются «тормозки».
Вообще течет беседа
С пролетарской прямотой:
— После вкусного обеда,
По закону Архимеда, —
Перекур бы с дремотой...
...Тормознули — и в дорогу.
И усталости как нет.
Будто заново, ей-богу,
Нарождаешься на свет.
В нашем крае поговорка
Очень к истине близка:
Не бывает хлеб без корки,
А шахтер — без тормозка.

УГОЛЬНАЯ ПЫЛЬ

Она полезна ли, вредна ли —
О том пусть думают врачи.
Еще в пеленках мы узнали,
Что пыль, конечно, не харчи.
Но под землей ее вдыхая,
Совсем не думаем о том,
Что — ах! — какая пыль плохая,
Что с нами станется потом.
От пыли мы страшны, как черти.
Но на здоровье жалоб нет.
Не знаю точно — сколько лет,
Но будем жить
До самой смерти.

АВТОГРАФ

Я клеймен необычным клеймом.
Что вы! Нет, я не беглый каторжник.
В комсомольском быту моем
Даже игр не бывало карточных.
Просто в шахте попал в оборот!
Так меня приласкала порода,
Что от нежности горных пород
Ремонтировался полгода.
Но, как видите, жив, здоров.
На лице только крапинки синие:
Уголек подмешался в кровь
И оставил отметины-линии.
Я бывшее пластам простил.
И когда прохожу по штрекам,
Расступаются молча пласты,
Признавая своим человеком.

ОЖИДАНИЕ

Хозяйка ждет с работы мужа,
Хозяйке девятнадцать лет.
Остыл обед, остыл и ужин.
А мужа нет, и нет, и нет...
А на дворе пора цветенья —
Любви и радости пора.
Весна, весна...
Хозяйка тенью
Стоит у шахтного двора.
— Обвал, обвал!..
Не так уж часто,
Но он случается, обвал.
Жена торопится к санчасти
Узнать: никто не пострадал!
Сегодня тишь в больничной келье,
Спокойно с самого утра.
Поет тихонько от безделья
Да красит ногти медсестра...
А в ламповой, где смех с избытком,
Девчата весело кричат:
— Ваш чоловік у шахті, тітко,
Вам заробля на «Москвича».
Домой веселою походкой
Идет, хмельная без вина...
...Шипит на плитке сковородка.
С работы мужа ждет жена.

В соседней комнате гремит посудой мать,
А мы целуемся, уставившись на двери.
Никак не хочет мама нас понять,
Не хочет нас самим себе доверить.
И поминутно шлепанцы шуршат,
Без стука и без кашля мать заходит.
Все что-то ищет, ищет не спеша —
Так занята, что нас не видит вроде.
Чего ходить без дела взад-вперед?
Сходила б в магазин за солью, что ли.
Эх, мамы! Уважаемый народ.
На вас порою злишься поневоле.
Мать ходит, мы навытяжку сидим —
Точь-в-точь солдаты перед генералом.
Известно: хорошо быть молодым.
Неужто это непонятно старым?

МОЛЧАНИЕ — НЕ ЗОЛОТО

В небе бледным полукругом
Обозначена луна.
Мы сидим вдвоем с подругой.
Я молчу. Молчит она.
Тишина. Лишь вентилятор
Тянет песню, как пчела...
Я неважный агитатор,
Да еще в таких делах...
Хорошо в кино, в романах:
Там влюбленным благодать —
Не искать слова в карманах,
Мне ж — в кармане не достать.
У меня совсем другое —
Мысли роем по утрам:
«Ну, как встречу — все открою», —
Только воз и ныне там.
Ведь поверьте, что при встрече
Я лишаюсь дара речи.
— Что ж,— промолвишь на прощанье.
И она ответит:
— Что ж...
— До свиданья.
— До свиданья.
Нет, товарищи, в молчанье
Вряд ли золото найдешь.

ТЕЗКА

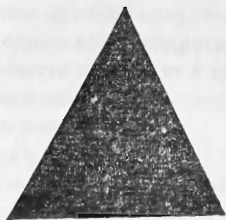
В институтской комнате просторной
Мы ведем беседу кое-как:
Он — курчавый негр, до блеска черный,
Ну, а я — лысеющий русак.
Иностранных языков наука,
Я перед тобой в большом долгу,
Новый друг по-нашему ни звука,
Я — по-африкански ни гу-гу.
Вы поймите положение наше:
Он, да я, да папиросный дым,
Жмем плечами, да руками машем,
Да молчим, да молча говорим...
По натуре парень я речистый,
Первым в наступление иду:
— Как тебя зовут, товарищ мистер!
Он смеется: — Мистер Доуду.
— Знаешь что? Сердись ты, не сердись ты, —
Я в ответ качаю головой, —
Ну какой ты, извиняюсь, мистер,
Если ты парняга в доску свой?
Титул твой дыханием единым
Я на свой язык переведу.
Камерон! По-русски будешь Климом
Или Колькой, Колькой Доуду.
Разногласий нет в таком вопросе.

Он, смеясь, кивает головой,
Только объяснить подробней просит,
Что такое парень «в доску свой».
Я растолковал в понятном стиле.
Потрудился — аж на лбу роса.
На прощанье молча покурили,
Друг у друга взяли адреса...
Обогнув моря и океаны,
Может, даже в будущем году
Я в столицу незнакомой Ганы
Съезжу в гости в теске Доуду.
И меня он примет с хлебом-солью.
Так имейте, господа, в виду:
Никому обидеть не позволю
Африканца — Кольку Доуду.

Женихи к тебе идут
Мощной вереницею —
Презирающие труд
Парни празднолицые.
Все клянутся, что тобой
Их судьба расколота,
И дают наперебой
Серебро и золото.
Каждый суммою трясет —
Книжкой сберегательной,
Будто банковский отчет
В загсе обязательный.
И куда уж мне до них:
Знатные, почетные.
Ну, а я какой жених
С книжкой зачетною!
Ни богатства, ни хором,
Ни семерки слоников.
Все ж приду к тебе я в дом,
Разогнав поклонников.
Без возвышенных цитат,
Просто, не робея,
Сердце — все, чем я богат,
Предложу тебе я.

ПОЭТ

У него особая примета:
Если по-студенчески одет,
Если в электричке без билета,
Знайте — это будущий поэт.
Если на вокзале грузит уголь,
Если приглашает на обед,
Если жить не может он без друга,
Знайте — это будущий поэт.
Если знает чертовы кулички,
Если на снегу встречал рассвет,
Если разводил костер без спички,
Знайте — это будущий поэт.
Если он прошел огонь и воду,
Если парню шахта не секрет —
Знает в ней все выходы и входы,
Знайте — это будущий поэт.
Если побывал меж наковален,
Если добрый слушает совет.
Если не шумит, что гениален,
Знайте — это будущий поэт.
Пусть он незаметный, неизвестный.
Ведь ему не так уж много лет.
Если любит Родину и песни,
Знайте — это будущий поэт.

ИЗ КНИГИ «ПОДАРОК»

На этом доме не прикрепят
Мемориального квадрата.
Прохожего не бросит в трепет
Напоминанье, что когда-то
Здесь жил шахтер:
Слова и даты.
Подумаешь, какая драма!
Я как шахтер не претендую,
Чтобы расходовали мрамор
На пустяковину такую.
И горевать об этом нечего.
Шахтер не мастер сыпать жалобы.
Не надо нас увековечивать,
А не забыть
Не помешало бы!..

КРЕЩЕНИЕ

Вдруг моторы из строя выбыли.
Я впервые в забое, хоть плачь!
Но, согнувшийся в три погибели,
Над комбайном колдую, как врач.
Бригадир — лошадиная сила,
Черный, потный, на слово крут —
Говорит:

— Изведу на силос,
Пошевеливайся, болтокрут!
Я гляжу: очень даже может
Он исполнить желанье свое...
Пробегают мурашки по коже,
Проклинаю житье-бытье.

Бригадир, повернувшись боком,
Улыбается этак хитро:

— Сбегай, что ли, с ведром за током.
Подает из-под смазки ведро.

Я на «вы» к нему,

По фамилии

Обращаюсь:

— Ток — не вода...

Он в ответ меня, братцы милые,
Посылает...

Известно куда.

**«Ах ты, — думаю, — дюжий идол!»
И смеюсь, закусив губу:
— Я сегодня во сне вас видел
В белых тапочках и в гробу,
Бригадир только стиснул зубы,
Рубанул еще парой фраз...
Ну, а вечером возле клуба
Увидали в обнимку нас.
Он толковывал неторопливо:
— В шахте всяко бывает...
Лады!
И, поскольку не было пива,
Хватанули фруктовой воды.
Кто б с тех пор ни пытался обидеть,
Будь герой семи пядей во лбу,
Я смеюсь, закусив губу:
«Я во сне вас могу увидеть
В белых тапочках и в гробу».**

ПРИВЫЧКА

Привычка — ничего не скажешь! —
Бывать в нарядной в выходной.
Бывает, что и в праздник даже
Он заглянёт, чуток хмельной.
Побрит, по-своему нарядный,
Он появляется в нарядной
С гвардейским видом старшины.
К рубаше с правой стороны
За труд
Приколота награда.
То спросит: — Как моя бригада
С утра подрубывает пласт?..
Глядишь, и сам совет подаст.
То вспомнит прожитые были,
Войну,
Семью,
Которой нет.
Рубаша белая
От пыли
Уже имеет серый цвет.
Ему сочувствуют друзья:
— Не приходиться сюда нельзя!
Возьми газету, книгу в руки,
Сходи с соседкою в кино,

Ну, в крайнем случае, от скуки
Сыграй сто партий в домино.
Вздыхнет
Шахтер с немалым стажем,
Почти старик, ничейный дед:
— Привычка, брат, ну что ты скажешь!
Опять вздохнет — и весь ответ.
Совсем не слыша разговора,
Затянет вдруг мотив лихой:
«Когда б имел златые горы...» —
И замолчит, махнув рукой.

РАССКАЗ ДРУГА

Жизнь меня от души поповеркала,
Покорежила от души.
Будто в комнате смеха

зеркало

Растянуло и вкось и вширь.
Босоногим, в одежде заплатанной
Я скитался, судьбу кляня,
И как черти боятся ладана,
Так боялся я нового дня.
Неизвестно, сколько бы жил еще
Я, скитаясь, да мне повезло:
На ремесленное училище
Воровское сменил ремесло.
Нет, звала меня в шахту не слава,
А подземный паек меня звал.
По затопленным штрекам плавал,
Разбирал двухгодичный завал.
Зубы дробь выбивали от дрожи,
Я в забое от газа слеп.
Испытал я на собственной коже,
Что такое насущный хлеб.
И теперь, зная цену хлеба,
Я скажу — и меня поймут:
Я б таким человеком не был,
Если бы не шахтерский труд.

КЛЯЧА

Из шахты вывезли кобылу,
Ослепшую, немолодую.
Как снег идет, как ветры дуют,
Как солнце светит — все забыла.
Из глаз слепых от солнца слезы
Текут, текут на мостовую...
И машинист электровоза
Уводит бережно гнедую.
Глядим мы вслед подземной кляче.
А лошадь плачет...
Ржет и плачет...

ПЕРЕД СМЕНОЙ

— Прокати-ка с ветерком,
Маша-рукоятчица!
Пусть застрянет в горле ком,
Сердце в пятки спрячется.
Пусть шахтком,

не чуя ног

И ворча: «Обуза!» —

Ищет траурный венок

Члену профсоюза.

Пусть, меня всюю кляня,

Братцы-кредиторы

Все, что следует с меня,

Требуют с конторы.

Пусть

с тоски

невеста

Не находит места.

Пусть...

Но вежливо-тепло

Маша-рукоятчица

Говорит, что я тепло,

Что люблю дурачиться,

Что бубню, как попугай,

Речь одну...

И вдруг

она

Режет смехом:

— Не пугай!

И не этим пугана.

Лишь одним движеньем губ:

— Заглянёшь сегодня

в клуб!

Я кручу на палец

чуб...

— В клуб! Ну что ж,

могу и в клуб.

...Разговоры позади.

С быстротой ракеты —

Сердце рвется из груди —

Мчусь в нутро планеты.

ХРОНОМЕТРАЖИСТ

Назову его соратником
По горняцкому труду.
По глаза укрывшись ватником,
Чтобы ветер не продул,
Он хронометр с позолотою,
Карандаш, блокнот извлек
И глядит, как я работаю —
Добываю уголек.

Время истинно рабочее
Засекает зоркий страж:
Пот смахну, чихну и прочее —
Все берет «на карандаш».

Я орудую лопатою,
Не ленясь и не спеша.
Говорю я «соглядатаю»:
— Православная душа!
Я в тебе души не чаю, но
Я прошу тебя любя:
Отойди — не то нечаянно
Зашибить могу тебя.

Он поглубже в ватник прячется.
На хронометр глядя, пятится,

**С не особенной охотою
Что-то шепотом кляня...
Не люблю, когда работаю,
Чтоб глазели на меня.**

ЖАЛОБНАЯ КНИГА

Книга жалоб в шахте не нужна.
Не нужна, как евнуху жена.
И когда случается
Такое,
Что войти
Покойник
Может в раж,
Боль души не жалобной строкою —
Устной речью
Лучше передашь.
Все отлично знаем: бога нету,
Знаем, что не бог всему виной.
Все равно его зовем к ответу:
Дескать, плохо сделан шар земной.
Что ж, такой упрек вполне заслужен:
Ведь планета, что ни говори,
Ничего сработана снаружи
И тяп-ляп сработана внутри.
Потому-то, не судите строго,
Атеисты сотню раз на дню
Под землей всюю склоняют бога
И его ближайшую родню.

ПОДАРОК

Бывают в жизни огорченья.
Был женский день,
Была суббота,
Был у подруги день рожденья,
Была подруга на работе.
Ну что подаришь ей, бедовой!
Одеколон, цветов корзину!
На глубине километровой
Еще не строят магазины.
В забоях далеки от моды,
Нет тяги к лайковым перчаткам.
Я небольшой кусок породы
Нашел с редчайшим отпечатком:
Цветок!
Совсем без аромата,
Без красок — след цветка на камне,
След,
Отчеканенный веками.
А может быть, уже когда-то
Подарен был цветок вот этот!
Прообраз нашего букета —
Цветок живой, неповторимый
Герой вручал своей любимой!
А может...

Нет, гадать не будем.
Я отыскал в потемках штрека
На зависть современным людям
Подарок каменного века.

ТАБАКОТРУС

Хочешь — слушай рассказ,

Хочешь — нет.

Дело вкуса.

Есть на шахте у нас

Должность табакотруса.

Мы смеемся:

Под стать

Этот чин полисмену —

Должен дед обыскать

Всех идущих на смену.

В шахте курево? Нет!

Нет, как нет белой сажки.

Но стоит все же дед

Горделиво на страже.

К нам идут свысока —

И министры и выше.

Не пропустит, пока

Всех старик не обыщет.

Табачок у девчат

Он старательно ищет,

Аж девчата кричат:

— Старый леший, потише!

Слышит шутки парней:

— Батя, батя не глупый!

Работенка ей-ей —
Все карманы прощупай!
Хлопцам бурной крови
Говорит с неохотой:
— Ты с мое поживи,
Ты с мое поработай!
А из шахты идешь,
Обязательно спросит:
— Как дела, молодежь?
Как комбайны там? Косят?
Хорошо — будь здоров!
Плохо —
Рдея от злости,
Без изысканных слов
От души расчехлостит.
Уважают его,
Точно батьку родного,
И боятся его,
Точно отчима злого.
Он стоит — грозен вид, —
Часовому пример.
Ключ от шахты хранит —
Верный страж,
Шахтный мэр.

ПОРТРЕТ

Было время: в местности донбасской
Ты гремел, дружище юных лет.
Живописцы масляною краской
Мастерски писали твой портрет.
Ты довольно молод был годами,
Но уже со всеми был на «ты».
И тебе дарили, словно даме,
Марши, комплименты и цветы.
Старты есть,
Есть финишные ленты,
К финишу, мой друг, пришел и ты:
Стихли марши, речи, комплименты,
Позавяли пышные цветы.
Что с тобой, дружище!
Извини меня,
По какому топаешь пути?
Твоего прославленного имени,
Как бывало, в прессе не найти.
Потому-то я не знаю, как там
Ты живешь, дружище юных лет.
Без тебя, конечно, дышит шахта,
Мастера не пишут твой портрет.
Пишут мастера другие лица —
Тех, кто ныне истинный герой.
Помнишь, друг, как ты умел трудиться!

До сих пор, наверно, живописцы
Берегут — а вдруг и пригодится —
Твой портрет,
Набросок черновой.

Друзья, соседи марсиане!
Я хоть сегодня завести
Могу космические сани —
И к Вам — по Млечному Пути —
Потолковать за чашкой чаю.
Вы, может, незнакомы с ним!
Что ж, я по чаю не скучаю,
За кружкой пива посидим,
Я расскажу...
Зачем заране
Нам утверждать повестку дня!
Ведь вам сегодня, марсиане,
Как гостя не встречать меня,
Не потому, что дань капризу,
Или оседлость верх берет,
Или Земля не выдаст визу —
Нет, просто дел непроворот, —
Я затяну ремень потуже,
Чтоб сделать шар земной иным.
На Марсе я пока не нужен,
А на Земле необходим.

ВСТРЕЧА

Стоит братва в шахтерских робах,
Как близнецы, — один в один.
И я стою — их друг до гроба
С давнишним прозвищем «Блондин».
— Здоров, Блондин!
— Привет, дружище!
Ты здесь?
— Ага. А ты?
— Я — там.
— Корреспондент, героев ищешь!
Пиши, а деньги пополам.
Разделай так, чтоб среди женщин
Поднялся наш авторитет.
Да только домысла поменьше
Насчет того, чего тут нет.
Стою с улыбкой виноватой,
Воскресно-праздный внешний вид.
В кармане ручка.
И с лопатой
Передо мною друг стоит.
О том о сем заводим речи,
На зов гудка идет народ...
— Пока, Блондин!
До скорой встречи! —
Мне друг мизинец подает. —

**Ты не подумай, что подачка, —
Грязна рука у горняка.
Всей пятерней могу испачкать —
Ведь у тебя что снег рука. —
Мелькнул спиной дружок до гроба,
Так и не взяв моей руки...
«У-у, у-у! Залетная особа!» —
Казалось, пели
 мне
Гудки.**

АРТИСТ

Мальчишка с толстыми губами —
Эх, рыжий черт, ровесник мой! —
Вконец измотанный войной,
Нашел приют в рабочей бане.
И стала баня новой баней.
В ней так же хлюпала вода,
Но после праведных купаний
Там шли концерты иногда.
Вихрастый черт, худой, чумазый,
С прищуром полувзрослых глаз,
С надрывом пел, и всякий раз
Он петь кончал коронной фразой:
«Эх, будь здоров, рабочий класс!»
Плясал, не требуя награду,
По пяткам лихо шлепал в такт,
Волчком вертелся до упаду
И, лежа, объявлял: — Антракт!
А зритель — только из-под душа —
Еще дымящийся, нагой,
Кричал: — Покрепче, дорогуша! —
Босою шлепая ногой;
И повторял он пляс неистов,
Такой, что баня ходуном...
Однажды рыжего артиста
Забрал всевидящий детдом.

Он мне писал: «Колюха, здравствуй!»
Потом замолк, и не на год.
Узнали мы, что «черт вихрастый»
Сегодня арии поет.
Мы на правах родных и близких
Ему черкнули между дел:
«Певцу такому-то».
Приписка:
«Который в нашей бане пел».

ИЗ ДЕТСТВА

Темней угля
Он приходил с работы.
— Дитя не вымажь, — говорила мать.
А я до слез горел тогда охотой
Отца
Такого, грязного,
Обнять.
Мне батька позволял намылить спину,
Я это делал с радостью большой,
Но счастлив был всего наполовину,
И, словно в цирк, просился я в забой.
Мне так хотелось побывать на штреках.
Но слышал неприятнейшую весть,
Что я — всего лишь четверть человека,
Что мне два пуда соли нужно съесть.
Я стал врагом кондитерских изделий,
Солил похлебку с батькой наравне
И отмечал свой рост семь раз в неделю
Царапиною ногтя на стене...

В цех пришел я с важным документом:
«Шахтный слесарь пятого разряда».
Сумочку принес для инструмента:
Дескать, поработаю как надо!
Только думал. Да не тут-то было!
[Сколько неприятностей на свете!]
Мче механик вежливо ответил:
— Не могу доверить вам зубило.
Так я стал подручным. На подхвате:
Принеси да сбегай — и так далее.
Я входил к начальству с криком «хватит!»,
Затевал скандальные баталии:
С аттестатом да в чернорабочие.
«Я добьюсь!» — И все такое прочее.
И меня бросало часто в краску,
Что ношу без надобности каску.
Ведь среди рабочих настоящих
Я бродил, как белая ворона:
Чистый, аккуратный, некурящий.
Выполнял работы полупраздные.
А из шахты хлопцы шли усталые,
До костей промокшие и грязные
И во всем решительные малые.
И тогда я в уголке нарядной
Потихоньку, чтобы не видали,

Все лицо вымазывал изрядно,
Гордо шел домой: «И мы пахали...»
Мне сейчас немного стыдновато
За подделку и за гримировку.
Но храню просторную когда-то,
А сегодня тесную спецовку.

СТЕПАНЫЧ

Ну какой Степаныч я, скажите,
Если мне сегодня двадцать лет!
Но в поселке нашем каждый житель
Мне кричит: «Степанычу привет!» —
И подумать могут посторонние,
Что смеются люди надо мной.
Уверяю — никакой иронии,
Просто, видно, парень разбитной.
В клубе, после смены, вечерами
Я верчусь как белка в колесе.
Самый настоящий гвоздь программы:
Говорун, плясун, конференсье.
Без меня и в шахте трудновато,
Скажем, стоп машина без меня —
Выручай, подруженька лопата,
Загорай до завтрашнего дня!
Неприятно оставаться нá ночь,
Если дома ждут жена и чай.
Потому-то слышу я: «Степаныч!
Слесарь, друг, Степаныч, выручай!»
Потому хвала от коллектива.
И довольно часто в выходной
У киоска, где бушует пиво,
Слышу я: — Степаныч, по одной!

**И родной отец, видавший столько
На своем веку любых невзгод,
Дома называет меня Колькой,
Под землей — Степанычем зовет.**

МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Я писать не смогу
В непривычных условиях,
Если все под рукой
И нужды никакой.
Неприменно застряну
На первом же слове я,
Сдавят горло петлей
Тишина и покой.
...После смены не будут
Сушиться шахтерки.
Я не буду бояться
Обвалов во сне.
Не услышу подземной
Такой поговорки,
От которой порой
Даже уголь краснел.
И не будет друзей —
Молодых, угловатых,
Цену знающих хлебу,
Понимающих труд.
И не будет неписаной
Праздничной даты —
Дня восторженных криков:
— Получку дают!..

...А без этого я
Буду лишним на свете.
Перед жизнью останусь
В неоплатном долгу.
Я родился под шум
Вагонеток и клетки,
Потому-то без шахты
Я жить не смогу.

ИЗ КНИГИ «СЛУЧАЙНАЯ ГОСТЬЯ»

«РІДНОЇ РАЙОННОЇ ІСТОРІЇ»

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Мне хотелось купить «прахаря».
«Прахаря» — сапоги со скрипом.
Чтоб, по совести говоря,
Быть отменным (в ту пору) типом.
Голенища гармошкой чтоб.
Чтоб навывпуск штаны-брючата.
Чтоб кепчонка не лезла на лоб.
Чтоб на танцах — мои девчата.
Чтобы мог под гитарный аккорд
Петь на равных с завидным шиком
Про неведомый Ванинский порт
Вместо древнего «Гоп со смыком».
Чтоб... Да мало ли всяких «чтоб»...
Эх, гармошкою голенища!
На толкучке барыга-жлоб
Убивал словом-пулей «тыща»!
Тыщу — целое состояние —
Раздобыть я не в состоянии.
Ведь в Америке умереть
Не могла разбогачка тетя:
Родословную посмотреть —
Нет и не было, да и впредь
Моих родичей там не найдете.
А украсть... я боялся красть.
Знал: какой ты ни хитрый-ловкий,

Но за это родная власть
Не погладит, поймав, по головке.
В «прахаря», в «прахаря», в «прахаря»
Упиралась моя философия...
Засосала мои якоря
Незабвенная шахта «София».
«Залегают в недрах земли, —
Утверждали, кто в шахте не был, —
В тыщу метров длиной рубли,
В тыщу граммов горбушки хлеба».
До сих пор никакому рублю
Поклоняться я не люблю.
И тогда не за длинным рублем
(Длинный рубль, между прочим,
сплетни)

В том голодном сорок седьмом
Я, голодный семнадцатилетний,
Хлеб пошел добывать горбом.
Я полтысячи дней протрубил,
Опускаясь в подземные своды...
Все же я «прахаря» не купил,
Потому что вышли из моды.

НЕБО

Небо я достаю головою
[Невысокий имея рост].
Это небо — не голубое.
Это небо — без солнца и звезд.
Не плывут по нему облака,
Не дождит — днем и ночью каплет.
Возразят:
«Не валяй дурака».
Не валяю.
И даже ни капли.
Не лукажю и не злословлю я:
Это небо висит под землей,
Это небо зовется кровлею —
Сотни метров каменный слой.
Небо — выдумщица-мастерица
Озорные творить чудеса;
Могут запросто взять и свалиться
Твердокаменные небеса.
Представляете? Каменный юмор
В полном смысле разит наповал.
[Побожиться могу: чтоб я умер, —
Сам не видел бы, вам не врал].
Небо каменным смехом грохочет,
Небо зуб — да какой еще! — точит:

На меня почему-то хочет
Небо каменное упасть.
Укрошая небесную страсть,
Затыкаю металлом пасть.
Небо лезет из каменной кожи.
Небо каменным брызжет злом.
Лучшей марки металл корежит,
Превращая в металлолом.
Эти шуточки не новы,
Не сдаваясь, иду «на вы»,
Лопнут каменные нервишки —
И сыграет небо отбой.
Дескать, ладно, аллах с тобой,
Продолжай, счастливый судьбой,
После смены почитать книжки...
Я похлопаю небо руками,
Как смирившегося коня:
— Небо, вынь из-за пазухи камень,
Все равно не обманешь меня.

Я СОЛНЦУ РАД

Когда я выхожу из-под земли,
Так улыбаюсь солнцу,
Будто с ним
Не виделся сто тысяч лет и зим.
И вдруг увидел,
Выйдя из земли.
Дождю я мимо кладбища иду.
Я воздух пью — и не могу напиться.
На нашем кладбище, как

в городском саду:

Цветет акация, насвистывают птицы...
«Привет, ребята. Я опять в гостях»,—
Скажу, сняв кепку, холмикам могильным.
И под акацией с травинкою в зубах
Усну беспечным, молодым и сильным.
Я час просплю. А может быть,
все пять.

Меня разбудит родственница чья-то
И скажет, что наклюкался опять,
Что ничего не дорого, не свято..
Вы, люди-судьи, не всегда правы:
Я пьян не от бутылочного зелья —
Я опьянел, придя из подземелья,
От свиста птиц, от зелени травы...
Но я перечить женщине не стану.

Я виноват.
Я извинюсь.
Я встану.
Уйду, не поднимая головы.
А завтра выйду из земли,
Так улыбаясь солнцу,
Будто с ним
Не виделся сто тысяч лет и зим
И вдруг увидел,
Выйдя из земли.

ЦЕЛОВАНИЕ

Точно дьяволы, мы чумазы,
Неуклюжи, как водослазы:
Мы в спецовках из чертовой шкуры
(Из брезента — сказать точней).
Мы разводим не шуры-муры,
Про любовь мы толкуем с ней...
И целуемся смачно, зычно,
Возле самого сердца Земли.
Бог не видит, комсорг на больничном,
Темнога — хоть глаза коли.
Только белые-белые зубы.
Только влажные-влажные губы.
Мы, ей-богу, совсем не грубы —
Мы, отчаянные жизнелюбы.
На минувшей войне, бывало...
(Говорил очевидец мне)
Целовались где попало,
Целовались назло войне!
Не косите глаза по-бычьи,
Уважаемый моралист.
Не срывая угледобычи,
Мы целуемся в рамках приличья,
Мы ж не пляшем презренный твист.
На поверхности времени мало,
А зимой маловато тепла,

На поверхности — папа, мама
И общественные дела.
Так не надо к нам придирайтесь
И клеймить нас улыбкой злой.
Если хочется целоваться —
И целуемся под землей.

ЛЕША

(Из поэмы)

Парень, стриженный под «нолевку»,
Из кармана выхватил ловко
Справку — подлинный документ:
— Заявился «на перековку»
Деклассированный элемент.
Все, кто знает, зовут меня Лешей...
Был когда-то Леша хороший.
Было много друзей у Леши.
Очутился Леша в калоше —
И друзьям и прописке капут.
И сказал я себе: «Знаешь, Леша,
Нужен, Леша, полезный труд.
Есть Донбасс.
Есть в Донбассе прописка.
Есть жилье — нужды никакой:
Танцы — близко,
Столовка — близко.
Поликлиника под рукой.
А трудиться в особой школе я
Обучался с бригадой и врозь:
Загребь как можно поболее
И как можно подальше — брось...»
Парень слушает, что ответим,
Парень хлеб задумчиво ест...

Сколько вышло в пятьдесят третьем
Из не столь отдаленных мест.
— Принимаем, — сказала бригада. —
Но учти, наломаешь дров...
— Комментариев Леше не надо.
Леша думает — будь здоров!..

Нарядили в белую робу.
Он присвистнул: «Какие дары!
В этих шмотках кататься в Европу,
А не прыгать в тартарары...»
Дали новенькую лопату.
Он присвистнул: «Комбайн —
я те дам!

Отхватили небось по блату.
Гранд мерси, джентельмены, вам.
Вот что значит о ближнем забота». —
И пропел, театрально скорбя:
«Ты не бойся меня, работа.
Я, ей-богу, не трону тебя».
Леше выдали яркую лампу,
Он присвистнул: «Да будет свет!
Вам, братва, пожимаю лапу
И тебе, добрый белый свет».
На затылок он сдвинул каску,
Он картинно выпятил грудь:
«Где тут делают былью сказку!
Подскажите, пожалуйста, путь».

СЛУЧАЙНАЯ ГОСТЬЯ

Тоне

Заблудилась на штреке весна.
Валит с ног, опьяняя, хвоя,
Это все натворила сосна.
Нет, сосною была она,
А теперь — просто крепь для забоя.

Я махнул на работу рукой,
Оглянувшись на всякий случай,
И ни разу небритой щекой
Прислонился к коре колючей.

Я в лесу,
Я в лесу первый раз!
Я дышу.
Я хочу про запас
В шахту воздуха взять лесного.
Но крепильщик — охрипший бас —
Возвращает на место снова.

Он, как все мы, на слово слаб:
— Как не совестно бисову сыну!
Чи тебе не хватает баб,
Чи сдурел, що кохаешь лесину!

...Мы, кряхтя, резвернули сосну.
Соревнуясь в уменье и силе,
Заблудившуюя весну
Мы в четыре руки казнили.

ПЕСЕННИКИ

Существует такой закон:
Песни петь запрещает он.
Все — и те, что набор словес,
Непечатаемых отбросов;
Все — и те, что поет Бернес,
Или Трошин, или Утесов.
Без разбора на то и на это,
Я не знаю, с каких времен,
Кем, не знаю, наложено вето.
Только знаю, что есть закон,
Запрещающий в шахте петь.
С той минуты, как влезешь в клеть.

Может быть, при царе Горохе,
Опекая царев покой,
Царедворцы презренной эпохи
Сочинили закон такой.
«Волю дай,— рассуждали,— шахтерам —
Громогласный они народ —
Запоют, сговорившись, хором,
И Земля с орбиты сойдет».
Может быть, рассуждал иначе
С приближенными царь-палач...
...Петь нельзя. И ни слова — о плаче.
Сколько хочешь, выходит, плачь.

**Мы не тычемся в стенку лбом,
И в часы, когда нет работы,
Мы, сознательные, не поем,
Мы рассказываем анекдоты,
Но как выйдем на белый свет,
Как надышимся мы озоном —
Сразу побоку всякий запрет!**

**(Не нарушим святой завет —
Мы не будем ходить по газонам)
Наверстаем свое сторицею:
Запоем — и заплещет луна,
И замрет на посту милиция,
Человеческих чувств полна.**

СМОТРИНЫ

— Вы слыхали! Подумать только! —
Бабы ахают. — Ну и ну!
Отчебучил Анциферов Колька!
Из Москвы приволок жену. —
Дай язык почесать балагурам,
Им без трепли и жизнь не в жизнь...
— С маникюром!..
— Кажись, с маникюром...
— И в мужинских штанах?
— Нет, кажись.
— А лицом!
— Так себе...
— Хороша!
— Ничего....
— Да больно тошша...
— В чем душа...
— А кому пойдет впрок
Тамошняя пища:
Утром — чай,
В обед — чаек,
Вечером — чаище,
Это мы не так живем:
Есть жевать — всю жуем...
Ах вы, бабоньки! Ах вы, бабы!
До чего ж на язык остры,

До чего ж вы на сплетни слабы —
Вам не жаль и родной сестры.
Бабы топчутся,
Бабы ждут.
Мы выходим.
— Идут!
— Идут!
О, живучий обычай древний,
О, смотрины — пройти сквозь строй!..
Не робей, Антонина Андреевна,
Плюнь на нынешний домострой...
Мы идем не спеша,
Не дыша.
— Так себе...
— Ничего...
— Хороша-а ..
— Ах, то-ш-ша...
— В чем душа...
— Бабы, ш-ша!..
Друг Володька (он горный мастер
И по женщинам признанный спец)
Подлетает с бутылкой:
— Здрасьте.
Ничего, — говорит, — бабец, —
Намекая на равноправие.
На троих разливает «ноль-пять».
— Предлагаю за ваше здравие
Сей бокал, — говорит, — принять.

И на гостью глядит не мигая,
Взглядом масляным говоря:
Мол, посмотрим сейчас, дорогая,
Зря приехала иль не зря.
А москвичка толкует о квасе
С нескрываемой ноткой мольбы...
— Извините, мадам. В Донбассе
Пить не могут одни столбы...
Как тут выбраться из капкана,
Взять победу в нелегком бою...
— Извините, не пью из стакана,
Только ведрами с детства пью...
Пораженный такой концовкой,
Горный мастер и признанный спец
С чувством,
 с толком и с расстановкой
Провздыхал:
— Ни-че-го бабец...
...Всю неделю по всякому поводу
Тараторил смотринный штаб:
— Молодая ходила под воду...
— Не косится на здешних баб...
В результате насчет москвички
Наболевший вопрос решен:
«Есть москвички — отпетые птички.
Есть — пригодные и для жен».
Так закончились наши смотрины,
Так познали мы домострой...

Ты особых иллюзий не строй.
Обопрись на плечо, Антонина.
Наша жизнь — не кинокартина,
В ней немало дорог сквозь строй.

ОБИДА

Угля не будет.
Будет атом.
И будут в сорок энный век
Читать историю ребятам,
Как по земле ходил когда-то
Шахтер — подземный человек.
Меня, шахтера, в общем-целом
Изобразит учитель мелом
И скажет с пафосом о том,
Что был я в жизни сильным, смелым,
Питался мясом, хлебом белым,
Но и не брезговал вином.
Попутно скажет коротенько
О трудовых моих делах,
Что я ходил на двух ногах,
А пласт рубил на четвереньках.
Я буду жизнью любоваться
Всю ночь из школьного окна.
Такие будут времена,
Что не додумаетесь, братцы.
А рано утром, спозаранку
Увижу с тряпкою гражданку.
Я крикну ей: «Давай не будем
Уничтожать сейчас меня!

**Хочу поведать вашим людям
О людях нашенского дня.
О той далекой, незнакомой,
Нелегкой жизни, но большой.
Нет, я не лектор из райкома,
Я рассказать могу с душой».
Но тетка примется за дело:
Сотрет портрет, взглянув в глаза.
▲ у меня крупинкой мела
На землю скатится слеза.**

ПРИГЛАШЕНИЕ

Я в костюме цвета
Вороненой стали...
— Николай Степаныч,
Ах, каким вы стали!
— Николай Степаныч,
Вы неотразим!
— Николай Степаныч,
Сколько лет и зим!
— Николай Степаныч,
На побывку или
Земляков прославить
В стихотворном стиле!
— Николай Степаныч,
За границей были?
— Николай Степаныч,
«Кока-кола» пили!..
Говорю им: — Братцы,
Хватит издеваться.
Говорю им: — Братцы,
Буду с вами драться.
А друзья хохочут:
— Николай Степаныч,
Стали, словно кочет,
Николай Степаныч...

Мы сидим гурьбою,
Как в далеком детстве,
И словцо любое
Выдается с перцем.
Допоздна балакаем.
Сообща кумекаем.
Мы все чаще дакаем
И все реже некаем.
— Брось ты рифмы, ямбы, —
Приглашают хором. —
Возвращался к нам бы,
Стал бы комбайнером.
Вдохновенно курим
Сигареты «Шипка».
— Братцы, — говорю им. —
Не вербуйте шибко.
Повернуть судьбу мою
С ходу не решу.
Я, друзья, подумаю.
Я вам напишу.

Папиросу, волнуясь, комкаю.
Не горит она как назло.
Улыбаясь, идет с незнакомкою
Положительный Генка Мерзлов.
Говорит он своей попутчице:
— Познакомься: живой пиит,
Он в столице на Пушкина учится,
Переплюнуть его норовит.
Я, конечно, ответ парирую.
Я могу кое-что сказать.
«Вы серьезно дружите с лирою!» —
Смотрит девушка мне в глаза.
Я сверлю ее взглядом тоже,
И скрестились две пары глаз.
Мы не видим совсем прохожих,
А прохожие видят нас.
Голова моя ходит крúгом.
Я клянусь тебе, Генка: ей-ей,
Если б не был моим ты другом,
То была бы она моей.

ИСЦЕЛЕНИЕ

Мое тело
Осиротело:
Улетела
Душа из тела.
Черту душу не продавал,
Богу душу не отдавал.
«Нет, — сказала душа, —
намучилась».

И, не знаю куда,
Улетучилась.
«Без души, — подумал, — капут:
Ни обид, ни тревог, ни ласки.
Иль церковники оплетут,
Иль пошлют на добычу руд
Атеисты в район Аляски».
Получилось наоборот:
Я вздохнул и расправил плечи.
Мне обычный душевный народ
В пояс кланяется при встрече.
Я в президиумах
стучу

Карандашиком повелительно.
Я похлопываю по плечу
Попечительно-снисходительно.
Я турецким пашой иду.

Я не вижу чужую беду,
Я не слышу чужого смеха:
Канонадой разносится эхо
Моего громогласного «Я».
Мне под стать, но потише якая,
Набивается мне в друзья
Беспардонная сволочь всякая.
Я расту.
Я набрал высоту.
Я служу на высоком посту:
Божий зам по хозяйственной части.
Лично господом данной власти
Мне, бездушному, мало, мало..

Тут душа меня и поймала..
У меня снова есть душа.
Вновь согласна со мною мучиться.
За душой, как всегда, ни гроша.
Но советчица и попутчица,
Тем душа моя и хороша,
Что не сможет вовек улетучиться.
Но себе не прощаю я,
Только вспомню, как, властно якая,
Где-то шастают лжедрузья —
Беспардонная сволочь всякая.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВИЗИТ

Подойдет однажды Робот,
И попросится в забой
Электронная особа...
Я возьму его с собой.

Руку дам, как человеку,
И, нисколько не шутя,
Поведу его по штреку,
Как в детсад вожу дитя.

Покажу ему такое!
И такому обучу!
Он железною рукою
Нежно хлопнет по плечу.
От восторга, как гроза,
Вспыхнут лампочки-глаза.

Но от угольной метели,
Как ни сделанный хитро,
Заскрипит в железном теле
Электронное нутро.
И — о случай небывалый! —
Сталь
Охватит вдруг озноб,
Задрожит железный малый
И повалится, как сноп...

**Подойдет однажды Робот
И попросится в забой...
...Электронная особа,
Ты не бойся — я с тобой.**

ОТПУСКНИК

Я заброшу спецовку в сарай,
Где отцова спецовка и дедова.
Я девчатам скажу: «Гуд бай»,
А ребятам скажу: «Покедова».
И махну в недалекий рай.
Там, где пальмы зимой не дрожат,
А в горах можно встретить ланей,
Я с собой прихвачу деньжат
И вагон с тележкой желаний.
Пусть от злости ханжи подрожат:
Не похожий ни в чем на монаха,
Постараюсь во всем подражать
Королю государства Монако:
Плывать в море, на солнце лежать,
Буду пить — в рамках нормы — вино
И вести ни о чем разговоры.
Лишь не буду ходить в казино:
К счастью, нет здесь такой конторы.
И не буду играть в домино.
И не буду болтать о простуде я.
И не буду торчать в кино.
(Вы не гневайтесь, киностудии).
Нанесу обезьянам визит —
Хоть далекие, все-таки предки.

**Фотодеятель изобразит
Мою личность на фоне клетки,
Словом, как это в песне поют!
Буду петь и смеяться, как дети;
Солнце, море, комфорт и уют,
И — до лампочки все на свете.
Возвращусь и, улыбкой играя,
Я зайду за спецовкой в сарай...
Профсоюз, не могу без рая.
Профсоюз, дай путевку в рай.**

ПЕРВОМАЙ

Любит праздник шахтер.
Он побреется, принарядится,
Крякнув, руки потрет
[И совсем неспроста].
Телевизор наладит:
Как празднует праздник столица?
Головой покачает:
«Столица у нас — красота!»
И пойдет по поселку,
Улыбчивый, малость пижонный,
С разодетой в шелка дорогие
женой.

Как богато одеты
Подруги — горяцкие жены!
А немодно?
Так этому швеи виной.
Сколько рукопожатий, объятий,
лобзаний!

Молодежь — примирившиеся петухи.
И по радио — песни:
Из Риги, Ташкента, Рязани.
И, конечно, различных поэтов стихи.
А над всем возвышаясь,
Задорно хохочет трехрядка.

И трамвай, салютуя,
Скрипит и звенит.
И от нечего делать
Блюститель порядка
Руки за спину,
Смотрит куда-то в зенит.
А повсюду — кумач
И веселые лица,
Предовольные светлой,
Счастливой судьбой...
Любит праздник шахтер.
И умеет шахтер веселиться,
И умеет трудиться.
Но это — само собой.

СТИХИ О ХОРОШИХ ЛЮДЯХ

— Подальше от греха и сатаны,
Под подушку спрятали б штаны.
Всякие бывают устьлабинцы, —
Говорит хозяйюшка гостиницы.
И закрыла ставни на засов...
Женщина, заметно пожилая,
Уходя, желает крепких снов.
Я ей то же самое желаю.
Но советы мной не учтены.
Нет, я не ряжусь беспечным принцем,
Очень жаль последние штаны,
Но стараюсь верить устьлабинцам.
Ну, а если подвернется гад!
Что он заберет, лежу, гадая:
Сигареты фабрики «Дукат»
Вместе с авторучкой из Китая.
Я без сигарет и без чернил
Ни строки пока не сочинил.
Поднимаюсь, зажигаю свет.
Вынимаю пачку сигарет.
Авторучку достаю. Блокнот.
Вора жду. Воришка не идет.
Улицы пустынные и тихи.
Ставни на засове исполинском.
Я сижу. Курю. Пишу стихи

**О хороших людях Усть-Лабинска,
О которых знает вся страна.
Знают, может быть, на всей планете.
Не приходит что-то сатана.
Может, постеснялся старина
Земляков представить в худшем свете.
Может быть, отчасти неправда
Добрая хозяйюшка гостиницы,
Говоря сердечные слова:
«Всеякие бывают устьлабинцы».**

Я ЗВЕЗДЫ ЧИНЮ

Я звезды чиню-починяю
И к Ноябрьским,
И к Первомаю,
И к другим торжествам.
Работенка! Скажу я вам...
Чтоб матерчатое светило
Ослепительнее светило,
Молотком по плечам похлопаю,
И подкрашу его,
И подштопаю,
И лампочки заменяю.
Я — звезды чиню.
Я, как бог:
Все имея, умею —
Починю. Не горит. Не горюю:
Полотно — ребятишкам на змея,
Кочегарам — остог дарю я.
И поэтому звезды — ни-ни!
Светят звезды солнцу сродни.
Без малейшего аха-оха
Полыхают под стать огню...
Пожимает мне руку
Эпоха.
Ну еще бы:
Я — звезды чиню!

ПЬЕДЕСТАЛ

Ежедневно, как только встал,
Восхожу я на пьедестал.
В обиходе известен он
Под названием террикон.
Не тщеславный я человек,
Но скажу, что за долгие годы
Я насыпал почти Казбек
Из подземной пустой породы.
Мне нашептывают облака:
«Брось, помчались искать удачу!»
Я гляжу на них свысока,
И поплеываю, и плачу.
Плакать мне помогают газы,
«Глазоедка» и «душегуб» —
До чего ж ядовиты, заразы.
Извините за то, что груб.
Под ногами вулканный жар:
Кипяти, если хочешь, воду.
Шашлыки, если хочешь, жарь.
Но я сыплю и сыплю породу.
А чтоб кровь, как вода, не кипела,
Пританцовываю то и дело.
Потому-то друзья-товарищи
Про меня распустили молву,

Что живу я не припеваючи,
Я приплясывая живу.
Терриконщик — губа не дура,
Я при жизни бессмертным стал:
Каждый день, как живая скульптура,
Восхожу я на пьедестал.

ИЗ ЦИКЛА «ОККУПАЦИЯ»

РАССТРЕЛ

Я смотрел не в кино расстрел,
Я присутствовал при расстреле.
Я расстрел не один смотрел,
Всем четвертым классом смотрели.
На какие, не зная, дела
Под опекой чужого солдата
Нас учительница привела,
Как водила в кино когда-то.
В горсаду набухали почки,
Равнодушные к новостям,
Грязнокаменные ангелочки
Зубоскалили новым властям.
Офицер, молодой человек,
Идеальная внешность расовая,
Смаковал ростовский «Казбек»,
На ладони монетку подбрасывая.
Предложил, чтобы мы на портфели
[Дабы не простудиться] сели.
Осторожно — земля сырая!
Пожелав прожить по сто лет,
Элегантно достал пистолет...
Пленных вывели из сарая.
Он стрелял без осечки, гад.

После каждого им убитого
Нам совал пистолет наугад:
«Битте, вы! Битте, вы! Битте, вы!»
И с настойчивостью упрямой
Пояснял, как спускать курок.
Это был внекласный урок,
Предусмотренный новой программой.
Добровольцев стрелять не нашлось.
Задыхались девчонки от слез.
Надвигались ниже кепчонки.
Прижимались к мальчишкам девчонки.
Он наигранно лебезил,
Улыбаясь наивно-свято:
«Фройнде киндер, их либе зи»
[Я люблю вас, друзья-ребята].
И девчонкам, как собственным дочкам,
Нежно смахивал слезы платочком..
И опять стрелял.
И опять
Нам самим предлагая стрелять..
Он расстреливал по одному.
На деревьях лопались почки.
Кулачками грозили ему
Грязнокаменные ангелочки.

РАДОСТЬ

Я был гуманным человеком,
Но был чужому горю рад.
Я рад был искренне калекам.
Убитым — рад был во сто крат...
С войны ни слуха, ни полслуха:
У нас глубокий вражий тыл.
Не жизнь, а та еще житуха!
Как будто шар земной остыл.
И мы «доходим», холодея,
Туда, где вечный мир, покой.
У нас горячая идея,
Реальной пищи — никакой.
А фриц разводит трали-вали,
Танцует танго и фокстрот:
«Россию цап-царап, забрали!»
Вот и кумекай: «Врет! Не врет!»
На это карты отвечали:
Бубновый туз и день и ночь
О нашей думает печали
И обещает нам помочь.
Когда поможет туз — молчали.
Фашисты сами рассказали,
Какие на войне дела,
Струзив однажды на вокзале
В бинтах ржавеющих тела.

Замельтешили роем фрицы,
Не подходи за полверсты.
Одним готовят фрицы шприцы,
Другим — метровые кресты.
Ревмя ревут автомобили.
(Их тоже будто бы избили).
Разгневан темпами погрузки
Полковник (оземь автомат),
Смешно ругается по-русски.
Бессилен даже русский мат.
Неразбериха, суматоха.
Вот «камараду» «камарад»
Толкует, не скрывая вздоха:
«Зер шлехт!»
Что значит

— очень плохо.

Или точнее —

«Сталинград».

Кому «зер шлехт», а мне «зер гут»,
Что их как следует стригут.

А я свищу себе игриво:

«Чеши, ребята, в хвост и в гриву

Распронаэтаких людей!»

Быть может, улыбаясь криво,

Заметит кто-то: «Ах, злодей,

Не без кощунственного крена

Здесь философия твоя».

Примерно так отвечаю я:

**«Прошу простить, какого хрена
Они пришли в мои края!!»
Я был гуманным человеком,
Но был чужому горю рад.
Я рад был искренне калекам,
Убитым — рад был во сто крат.**

ПРАВОСУДИЕ

На пустыре, за терриконом,
Мы правосудие вершим
По всем мальчишеским законам
[Нам по двенадцать с небольшим].
В трофейном браунинге пуля.
Остер трофейный штык-кинжал.
Ровесник, маменькин сынуля,
К врагу, подлец, перебежал.
На нем мундирчик войск Дойчланда:
Блеск от фуражки до сапог —
Блестят погоны лейтенанта,
Сверкает бляха — «с нами бог»!
Сыночка вырядила мама.
Одна из тех известных дам,
Которых со времен Адама
Прозвали метко «Я те дам!»
Она одежду и обузу
За томный взгляд приобрела.
Ее фамилия по мужу
Кривенко, кажется, была.
О даме разговор особый.
А что нам, судьям, делать с ним,
Зелено-серою особой!
— Казним!
— Казним!

— Казним!

— Казним!

В трофейном браунинге пуля.
Трофейный штык-кинжал остер.
Разводит «трибунал» костер.
Как лист осинового, «сынуля»
Дрожит, раздетый донага.
У наших ног — тряпье врага.
Сукно по качеству неважное.
Видать, прошло и «крым и рим».
А галифе заметно влажное.
«Проситься надо!» — говорим.
Кинжал торжественно подносим
(Как подносили раньше меч),
Трофей принять на время просим
И говорим такую речь:
«Мундир казнить, а после — сжечь».
Мы подсудимого простили.
Домой пустили голышом.
Лишь на спине в ребячьем стиле
Химическим карандашом
Два слова — вместо протокола
(Пусть знают все, какой он гусь).
Два слова, что не учат в школах
И я цитировать боюсь.

ЗВАНЫЙ ОБЕД

Двадцать с лишним фотоснимку.
Снимок — память о былом....
Я с овчаркою в обнимку
Восседаю за столом.

Стол — ни края ни конца.
Стол накрыт на два лица.
У мальчишки,
У овчарки —
По салфетке,
По ножу,
Две наполненные чарки.
[Чарку я один держу,
Вроде тост произношу:
«Для меня большая честь
Выпить с вами, ваша честь».]
«Ваша честь» — собачья морда,—
Набок голову склонив,
По-хозяйски смотрит гордо,
Зубы скаля, в объектив.
На мальчишке нет лица,
Стол накрыт на два лица...

Было вот как в самом деле:
Фрицы пили,

Фрицы ели,
Фрицы искренне шумели,
Фрицы здорово потели,
Фрицы сбросили шинели.
«Почему бы не украсть их!
Будет праздник у меня:
За шинель гадючьей масти —
Сто стаканов ячменя».
Взять шинель легко и просто,
Как похитить шар земной...
Чуть повыше меня ростом
Вырос пес передо мной.
Он походочкой форсистой
Приближается ко мне.
У хвостатого фашиста
Что — дознайся — на уме!
Тычет в щеку втихомолку
Липкий черный нос-двустволку.
Целоваться лезет псина,
Или драться лезет пес!
Тайна сукиного сына
Растревожила до слез.
Человеку — друг собака, —
Так подумал я, слабак. —
Как среди людей, однако,
Есть собаки средь собак».
И размазывая слезы,
Говорю: «Что, зеен зи?

Если друг — кончай угрозы,
Если нет — давай грызи».
...Фрицы пьяненькие хором
Сочиняют приговор.
Называют меня вором,
А какой я, к черту, вор!
Полстраны моей украли
И толкуют о морали,
От физической расправы
Я фотографом спасен:
Стол накрыт для двух персон:
Слева — я, собака — справа.
Щелк. Готово. Данке шён...
А когда пошла иначе
Жизнь, прогнавшая громил,
Я кормил собак бродячих,
Пленных фрицев не кормил.

АКАЦИЯ

Что акации оккупация!

И в оккупации цвела акация.

В городишке, войной помятом,

С невысокой своей высоты

Щедро брызгались ароматом,

Насмехаясь над жизнью,

цветы.

А для нас, голопузого люда,

Евших даже траву той порой,

Это было отличное блюдо,

Хоть и сдобренное мошкаррой.

Лучше хлеба и слаще торта

Смаковали за граммом грамм.

Но однажды, шагая нетвердо,

Вел фельдфебель

под ручку мадам.

— Ах, цветы! Ах, какое чудо!

Рыцарь в кованых сапогах

Превратил в букет наше блюдо,

И остались мы «на бобах».

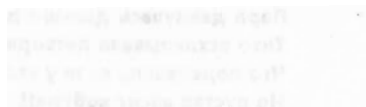
Пара двинулась дальше пьяно.

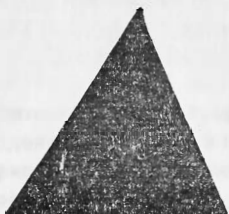
Тихо всхлипывала детвора:

Что поделаешь, если у «пана»

Не пустая висит кобура!!

Но у нас тоже были нервы.
И поклялся каждый из нас,
Что у этой продажной стервы
Из рогатки вышибет глаз...
Не скажу —
Впрочем, суть не в детали, —
Как мы слово свое сдержали.
Только знаю, что слово с делом
Не расходится в нашем краю...
Да, мальчишкою был я смелым.
И сейчас за себя постою.

СТИХИ, НЕ ВХОДИВШИЕ В КНИГИ

Но у нас таковы были нравы,
И боялся каждый из нас,
Что у этой таинственной старухи
Из роутки вылетит глаз...
Но смеясь, мы говорили:
Барочная старуха — та же старуха —
Как мы, — та же таинственная,
Толкая нас к своему долом.
Не расходится в нашем кругу...
Да, мальчишкою был и смелым,
И сейчас за себя постояю.

СТУХИ НЕ ВХОДЯЩИЕ В КНИЛ

— Лично мной,— говорит,— сработано.
Не осилишь — другому отдашь.
Нелегко нести эту ношу...
Я, как сердце свое,—
не брошу.

В ШАХТЕ

Шахта, товарищи, не метро

И не курорт на Кавказе...

На тысячу метров

к Земле в нутро

Мы на работу лазим. .

Где-то над нами тартарары,

Пекло над нами где-то.

Здесь ни прохлады,

Здесь ни жары,

Здесь ни зимы, ни лета,

Здесь от пыли тесто во рту,

Здесь полуголы блесним, в поту,

Чумазы, чернее негра.

Здесь только мы и недра.

Порода вверху,

Порода внизу,

Порода слева и справа.

Породу — песчаник машины грызут

Резцами особого сплава.

Железо и камень. Кто победит!!

Частенько бывают курьезы:

Плавится, плача, металл «победит»,

Роняя железные слезы.

Нету резцов, и времени нет.

Стоим. За смену — ни с места...

Там наверху табак и обед,
А у меня — и невеста.
Там, наверху, весна и гармонь,
Там — и песни и пляски.
А здесь — бригадир плюет на ладони
И — пару слов по-донбасски.
[Эти слова нельзя напечатать
И говорить при девчатах.]
Есть основания уйти домой:
Влипли, песенка спета.
За это не будут грозить тюрьмой,
Не снимут с работы за это.
Ну, поругают. А стыд — не дым,
Глаза выедает который...
Но мы не уйдем, но мы не сдадим,
Все-таки мы — шахтеры.

**ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКУ ШАХТЫ,
ГДЕ РАБОТАЕТ БРАТ ЛЕШКА**

Мы ровесники, но, увы,
Ради принятого этикета
Обращаться должны на «вы».
Да простит меня совесть за это.
Я пишу Вам не ультиматум,
А товарищеский совет..
Вы блестяще ругаетесь матом:
На поверхности — меркнет свет.
Под землей «разведете пары» —
В страхе корчутся тартарары.
Молодой, белозубый, крепкий —
Вам с экрана пленять девиц.
По лицу фамильярно кепкой
Подчиненного треплете: «Цыц».
Эпизоды бывают похлеще,
(Не купеческий ли разгул?):
В человека бросаете вещи —
Пресс-папье или венский стул.
С вами нет никакого сладу.
Всемогущий козырный туз,—
Крепко рубите по окладу.
(И куда глядит профсоюз!!)
В этом смысле особенно Лешке
Лихо ставите вы подножки.
И за что вы гробите Лешку,

Будто он на обеде званом
Окатил вашу личность нарзаном
Или вырвал нахально ложку...
Может, случай тому виной:
На откаточном в смене ночной
Налетела коса на камень:
Вы размахивали руками,
Вы захлебывались слюной,
Вы кричали, танцуя от злости;
«Ну давай! Повивай давай»
Он сказал: «Дорогой красnobай,
В Петрограде, в семнадцатом,

костью,,

Подавился «давай-давай».

Вы забыли историю

или

Пропустили, когда проходили».

Лешка вкалывает что надо.

Человек — нараспашку душа.

Так какого ж, начальник, ляда

Обижаете братиша?!

КЛОУН

Ю. Никулину

Я в цирке.
Я в антракте
У клоуна сижу
И, забыв о такте,
По сторонам гляжу.
Портреты, фотографии
Смотрят на него —
Обрывки биографии,
Двойники его,
Предельно откровенны,
Толкуют немо с ним.
Он только что с арены,
Он не стирает грим,
Похожий на портреты,
Живой их дубликат...
Мы курим сигареты
По имени «Дукат».
И я бряцаю лирою,
Взяв на себя грехи,
Не из газет цитирую
Товарищей стихи.
И смотрит хмуро-хмуро
Аренный весельчак.

Но вот «На выход, Юра!» —
Пронзительно кричат.
А он для мамы Юрка,
И клоун он для всех.
Недокурив окурка,
Идет он делать смех.
Идет, слегка согбенный,
Тощий, как Христос,
Туда, где свет арены
Слепит глаза до слез.

ПЕРЕВОДЧИКИ, ПЕРЕВОДЧИКИ

Порою их успехи жалки,
Хотя они на этом деле,
Как говорят, собаку съели,
Но переводят «елки-палки»,
Лаская слух, «дрова из ели».
Читают «фокусы» как «фикусы».
[Частенько рвется мысли нить.]
Ведь переводят «На-кось выкуси»
Как приглашение закусить.
Мы только сей довольно странный
Не можем встретить перевод
Лишь с русского на иностранный.
Бывает и наоборот.
Допустим, речь идет про тесто.
Но переводят бойко текст,
Что, мол, не приняли протеста
Из-за протеста на протест.
Того хотите ль, не хотите ль —
Сбивают с толку нас слова.
Такие ноги видит зритель!
А слышит — это — голова.
Что ж, переводчики — не боги.
Все ошибаются, увы.
Но и такие есть, кто ноги
Имеет вместо головы.

А я пивную не миную,
Я запросто вхожу в пивную,
Не ведая стыда и страху,
Как царь на трон,
Палач на плаху.
Я объясняю, в чем тут дело:
Я в бане, после смены, с тела
Смываю угольную пыль.
Но пыль, что к сердцу прикипела,
Не смоешь в бане, как не мыль.
И я буфетчику с порога:
(Да пусть непьющие простят)
— Сто — маловато, двести — много,
Два раза по сто пятьдесят.
Буфетчик вынет из-за уха
И послюнявит карандаш.
И не похожий на главбуха,
Не пробасит: «Когда отдашь!»
Черкнет в талмуде замусоленном,
Игриво пальцем погрозив,
В знак уваженья малосольный
Огурчик выдаст: «Загрызи»...
Рванув отпущенную меру,
Бреду, не ведая преград;

**Кум президенту, зять премьеру,
И марсианам кровный брат.**

**Нет, я пивную не миную.
Я запросто вхожу в пивную.**

НЕ ОБИЖАЙСЯ

Тоне

Я из-под кефира сдам бутылки
[Как-никак солидные гроши],
К ним еще добавлю из копилки
И куплю подарок от души.
Пооригинальней, подороже.
Но, конечно, не автомобиль.
Ни к чему пускать в глаза прохожим
Всеми ненавидимую пыль.
В доме есть стиральная машина,
Телевизор есть, есть пылесос,
Есть и домработница-дивчина.
А чего же нету? Вот вопрос.
Дачи? Не люблю уединенья —
Жить в ста километрах от Москвы.
Что ж тебе купить ко дню рожденья?
Люди! Посоветуйте хоть вы!
По моим деньгам покупки нету.
Нету, обойти хоть белый свет.
Взять бы межпланетную ракету,
Но таких ракет в продаже нет.
Я стою, грущу, чешу затылок,
Удрученный новою бедой:
Как на грех киоск «Прием бутылок»
Объявил сегодня выходной.

Ну и ладно, плакать я не буду.
Лишний раз, быть может, закурю,
Да на счастье разобью посуду
И тебе то счастье подарю.

11 февраля 1959 г.

Вот он я перед вами весь.
 Гражданин такой же, как все, я,
 Я тамбовско-орловская смесь,
 Где Россию зовут «Расея».
 Ясно, так говорят не все.
 Но такие слова мне дороги.
 Сила слов не во внешней красе.
 И не спорьте со мной, филологи.
 Пусть они не ласкают стих,
 Режут слух музыкального уха,
 А народу нельзя без них:
 Редька, квас, аржаная краюха.
 И когда у себя на Руси
 Кто-то в Вычегде или Курске
 Без нужды иностранным форсит,
 Мне охота ответить по-русски.
 Вот он я перед вами весь.
 Гражданин такой же, как все, я.
 Я тамбовско-орловская смесь,
 Где Россию зовут «Расея».

Книги Н. Анциферова

«Дайте срок...» Донецк, 1956.

«Молчание — не золото». Донецк, 1960.

«Подарок». М., «Молодая гвардия», 1961.

«Случайная гостья». М., «Советская Россия», 1964.

«Избранная лирика». М., «Молодая гвардия».

«Избранное». Донецк, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о друге. Анатолий Мартынов	5
--	---

Из книги «Дайте срок...»

«О Донбассе пишут в географии...»	13
«Гудки охрипли, но баят, баят...»	14
Получка	16
Соседи правы	17
Мы выпускали стенгазету	18
Мои претензии	20
Записки	22
«Я в институт спешил из дома...»	24
Уголь	25

Из книги «Молчание — не золото»

Вельможа	29
Тормозок	31
Угольная пыль.	32
Автограф	33

Ожидание	34
«В соседней комнате гремит посудой мать...»	35
Молчание — не золото	36
Тезка	37
«Женихи к тебе идут...»	39
Поэт	40

Из книги «Подарок»

«На этом доме не прикрепят...»	43
Крещение	44
Привычка	46
Рассказ друга	48
Кляча	49
Перед сменой	50
Хронометражист	52
Жалобная книга	54
Подарок	55
Табакотрус	57
Портрет	59
«Друзья, соседи марсиане!..»	61
Встреча	62
Артист	64
Из детства	66
«В цех пришел я с важным документом...»	67
Степаныч	69
Мое вдохновение	71

Из книги «Случайная гостья»

Начало биографии	75
Небо	77
Я солнцу рад	79
Целование	81
Леша. (Из поэмы)	83
Случайная гостья	85
Песенники	87
Смотрины	89
Обида	93
Приглашение	95
«Папиросу, волнуясь, комкаю...»	97
Исцеление	98
Несостоявшийся визит	100
Отпускник	102
Первомай	104
Стихи о хороших людях	106
Я звезды чиню	108
Пьедестал	109

Из цикла «Оккупация»

Расстрел	111
Радость	113
Правосудие	116
Званный обед	118
Акация	121

Стихи, не входившие в книги

«Приготовил — самое лучшее...»	125
В шахте	127
Письмо начальнику шахты, где работает брат Лешка	129
Клоун	131
Переводчики, переводчики	133
«А я пивную не миную...»	134
Не обижайся	136
«Вот он я перед вами весь...»	138
 Книги Н. Анциферова	 139

Николай Степанович Анциферов

ШАХТЕРСКАЯ ЛАМПОЧКА

Редактор Д. А. Смирнов

Художник Е. Р. Скакальский

Художественный редактор Н. Л. Юсфина

Технический редактор В. А. Преображенская

Корректор Е. Ф. Раевская

Сдано в набор 23.XII.70 г. Подписано к печати
19.III.71 г. Формат бум. 60×90/32. Физ. печ. л. 4,5.
Уч.-изд. л. 3,63. Изд. инд. ЛХП—270. АО6558.
Тираж 10.000 экз. Цена 39 коп. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия»

Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Огел, ул. Ленина, 1, тип. «Труд». Заказ № 9434 ж

21

39 коп.

**СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ**